

Содержание

КРЕСТОНОСЦЫ. Роман.

Перевод Е. Егоровой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

368

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В Тынце, в корчме «Свирепый тур», принадлежавшей аббатству, сидела за столом кучка народу и слушала бывалого рыцаря, который вернулся из дальних стран и рассказывал теперь о том, в каких переделках довелось ему побывать на войне и в дороге.

Бородатый, плечистый, богатырского роста, в полном расцвете сил, рыцарь, однако, был очень худ; волосы у него были убраны под шитую бисером сетку; на кожаном кафтане отпечатались кольца панциря; за наборным поясом, сплошь из медных блях, торчал нож в роговых ножнах, на боку висел короткий дорожный меч.

Рядом с рыцарем сидел за столом длинноволосый юноша с веселым взглядом, видно, товарищ его или оруженосец, потому что и он был одет по-дорожному, в точно такой же помятый панцирем кожаный кафтан. Кроме них, за столом сидели двое шляхтичей из окрестностей Кракова да трое горожан в алых остроконечных шапках, языки которых свешивались набок до самых локтей.

Хозяин корчмы, немец, в светло-желтом колпаке с зубчиками по нижнему краю, наливал гостям из жбана в глиняные кружки сыченное пиво и с любопытством прислушивался к рассказу о военных подвигах.

С еще большим любопытством слушали рыцаря горожане. В те времена ненависть, которая при Локотке¹ разделя-

¹ Локоток — прозвище Владислава (ум. в 1333 г.), польского князя из династии Пястов, в результате длительной борьбы добившегося объединения основной территории Польши. В 1320 г. Владислав Локоток короновался в Кракове. Принятие Локотком королевского титула знаменовало воссоздание единого Польского государства.

ла горожан и рыцарство, стала уже угасать, и горожанин не гнул так спину перед паном, как в позднейшие века. Пан еще ценил его готовность *ad concessionem pecuniarum*¹, и в корчмах нередко случалось видеть, как купцы запросто бражничали со шляхтой. На них взирали даже с некоторой благосклонностью, потому что денег у них всегда было больше и они обычно платили за своих благородных сотрапезников.

Итак, сидели в корчме горожане с шляхтичами и вели беседу с рыцарем, время от времени подмигивая хозяину, чтобы тот наполнил кружки.

— Сколько свету видели вы, благородный рыцарь! — воскликнул один из купцов.

— Да, немногим из тех, что съезжаются сейчас отовсюду в Краков, привелось столько увидеть, — ответил приезжий рыцарь.

— И пропасть же народу туда съедется! — продолжал горожанин. — Великое торжество и великое ликование в королевстве. Толкуют, и, верно, не зря, будто король всю опочивальню королевы повелел покрыть парчой, шитой жемчугами, и ложе убрать таким же балдахинном. Игрища и ристалища будут, каких доселе не видывали.

— Кум Гамрот², не перебивайте рыцаря, — заметил другой купец.

— Да я, кум Айертретер, не перебиваю, я только думаю, рыцарю тоже любопытно узнать, что народ толкует, ведь и он, наверно, едет в Краков. Мы нынче все равно не успеем вернуться в город, потому что ворота запрут, а ночью вошь спать не дает, так что успеем наговориться.

— Вам слово, а вы десять. Стареее, кум Гамрот!

— Ну, штуку мокрого сукна я еще одной рукой подниму.

— Эва! Такого, что, как сито, насквозь светится.

Однако дальнейшие споры прервал странствующий рыцарь.

— Это верно, — сказал он, — что я останусь в Кракове, слышал я про ристалища и охотно попытаю на них свою

¹ Платить наличными (*лат.*).

² Тогдашние фамилии, вернее, прозвания. (*Прим. автора.*)

силу, да и племянник мой тоже, хоть и юн годами и безус, а не одного панцирника поверг уже на землю.

Гости бросили взгляд на юношу, который весело улыбнулся и, заложив за уши длинные волосы, поднес к губам кружку пива.

— Да и захотели бы мы вернуться, — прибавил старый рыцарь, — все равно некуда.

— Это как же так? — спросил один из шляхтичей. — Откуда же вы родом и как вас зовут?

— Меня зовут Мацько из Богданца, а это сын моего родного брата, зовут его Збышко. Герб наш Тупая Подкова, а клич Грады!

— Где же он, ваш Богданец?

— Эх, сударь, спросите лучше, где он был, потому что нет уж его. Еще во время войны Гжималитов с Наленчами¹ сожгли дотла наш Богданец, так что один только старый дом остался; все, что было, забрали, а слуги наши разбежались. Одна голая земля осталась, мужики, которые жили по соседству, и те ушли дальше в леса. Отстроились мы с братом, отцом этого хлопца, да на другой год вода все снесла. Потом брат умер, и остался я после его смерти один с сиротою. Подумал я тогда: нет, не усидеть мне здесь! А в ту пору народ толковал про войну, шла молва, будто Ясько из Олесницы, которого король Владислав² после Миколая из Москожова послал в Вильно, спешно набирает по всей Польше рыцарей. Отдал я землю в залог достойному аббату, нашему родичу, Янеку из Тульчи, купил на деньги доспехи, коней, снарядился, как положено, в военный поход, посадил на меринка парнишку, которому было в ту пору двенадцать лет, и айда к Яську из Олесницы!

— С подростком?

¹ Война Гжималитов с Наленчами — междоусобица феодалов Великой Польши в 1383 г., в период междуцарствия, предшествовавшего возведению на престол королевы Ядвиги.

² Король Владислав Ягайло (Ягелло) — великий князь Литвы с 1377 г., в результате соглашения, заключенного в Крево в 1385 г., стал мужем польской королевы Ядвиги и был возведен на польский престол под именем Владислава II. Умер в 1434 г., был родоначальником династии Ягеллонов, правившей в Польше и Литве до 1572 г.

— Да он в ту пору и подростком-то не был, но крепкий был парнишка. Бывало, в двенадцать лет упрет самострел в землю, прижмет животом да так натянет тетиву рукоятью, что и англичанин — мы их под Вильно видели — лучше не справится.

— Такой был сильный?

— Шлем за мною носил, а как стукнуло ему тринадцать, так и щит стал носить.

— Немало довелось повоевать вам.

— Все из-за Витовта¹. Сидел князь у крестоносцев, и каждый год делали они набеги на Литву под Вильно. Разный народ шел с ними: немцы, французы, бургундцы. Рубили они леса, замки по дороге строили да всю Литву огнем пожгли, мечом посекали, так что весь народ, который живет там, хотел покинуть родную землю и искать другой, хоть на краю света, хоть среди детей Велиала, только бы подальше от немцев.

— Да и мы тут слыхали, будто все литвины хотели уйти с детьми и женами, но только не верили этому.

— А я сам все это видел. Эх, эх! Не будь Миколая из Москожова, Яська из Олесницы да, не в похвалюбу сказать, нас вот с ним, не было бы уже и Вильно.

— Это мы знаем. Вы замка не сдали.

— Да, не сдали. Вы вот послушайте хорошенько, что я вам скажу, человек я служилый и в войне искушенный. Еще старики говаривали: «неукротимая Литва», — оно и верно! Ловко литвины дерутся, но не с рыцарями им в поле силами мериться. Вот когда кони немцев в трясине увязнут или лес дремучий кругом, ну, тогда дело другое.

— Немцы добрые рыцари! — воскликнули горожане.

— Они стеной стоят, плечом к плечу, и так собачьи дети закованы в железную броню, что сквозь забрало одни глаза только и видно. И лавой валят. Ударят, бывало, на них литвины и рассыплется кто куда как песок, а нет, так немцы

¹ Витовт (ум. в 1430 г.) — двоюродный брат Ягайла, при поддержке литовских феодалов, недовольных заключением унии с Польшей, вел борьбу с Ягайлом. Король был вынужден согласиться на передачу Витовту великого княжения в Литве при сохранении в измененной форме польско-литовской унии.

сомнут их и растопчут. Не одни у крестоносцев немцы, — сколько есть народов на земле, все у них служат. Ну, и храбрецы! Пригнется это рыцарь к луке, наставит копье и перед битвой один ринется на целое войско, как ястреб на стадо.

— Господи! — воскликнул Гамрот. — А которые ж из них лучше всех?

— Это смотря по оружию. Из самострела лучше всех англичанин стреляет, он панцирь стрелой навывлет пробьет, а в голубя попадет на сто шагов. Чехи страх как секирами рубятся. Что до двуручного меча, так тут немец никому не уступит. Швейцарец железным чеканом легко расколется шлем; но нет лучше рыцаря, чем из французской земли. Этот бьется и конный и пеший и при том так и сыплет дерзкими словами; только его все равно не поймешь, потому тараторят французы, будто в оловянные миски бьют, а так народ ничего, набожный. Они нам через немцев передавали, будто мы, христиане, защищаем язычников и сарацин, и слово дали доказать это в рыцарском единоборстве. Вот такой божий суд должен быть между четырьмя нашими рыцарями, а встреча назначена при дворе Вацлава, короля римского и чешского¹.

Любопытство шляхтичей и купцов было так возбуждено, что они даже шеи вытянули и давай спрашивать Мацька из Богданца:

— Кто же там будет из наших? Говорите скорей, не томите!

Мацько поднес ко рту кружку и выпил пива.

— Э, — ответил он, — за наших не бойтесь. Ян из Влощовы будет там, каштелян добжинский, да Миколай из Вашмунтова, да Ясько из Здакова, да Ярош из Чехова — все славные рыцари, отменные храбрецы, им не впервой драться на копьях ли, на мечях ли, или на секирах. Будет на что поглядеть и что послушать, потому, как я уже ска-

¹ Исторический факт. (Прим. автора.)

Вацлав, король римский и чешский — чешский король Вацлав IV (правил с 1378 по 1419 г.) из династии Люксембургов, был в 1378–1400 гг. императором (королем) Германской (Священной Римской) империи.

зал, французу ногой на горло наступи, а он все дерзкие слова говорит. Они всех переговарят, а наши, как бог свят, всех побьют.

— Честь и слава будет нашим, только бы господь их благословил, — сказал один из шляхтичей.

— И святой Станислав, — прибавил другой. Затем, повернувшись к Мацьку, он снова стал расспрашивать: — Ну-те-ка, расскажите нам обо всем! Вы вот прославляли отвагу немцев и иных рыцарей, говорили про то, как легко они одолели Литву. А разве с вами им не было потрудней? Разве они так же охотно шли и против вас? Даровал ли вам бог победу? Наше оружие славьте!

Но Мацько из Богданца не был, видно, бахвалом. Он скромно ответил:

— Кто вновь прибывал из дальних стран, те с охотой шли против нас, ну только раз-другой, бывало, попробуют и поостынут. Неукротим наш народ, и нас часто укоряли за эту неукротимость: «Смерти, — говорят, — не страшитесь, а сарацинам помогаете, гореть вам за это в геенне огненной!» А мы еще лютей становились, потому ведь неправда все это! Король с королевой крестили Литву, и всяк на Литве поклоняется Иисусу Христу, хоть не всяк и умеет. Известно, что и наш всемилостивейший король, когда в Плоцке в кафедральном соборе повергли на землю идола, повелел ему огарок поставить, и ксендзам пришлось уламывать короля, что не годится так поступать. А что ж говорить о простом человеке! Многие так себе думают: «Повелел князь креститься, я и окрестился, повелел Христу бить поклоны, я и бью, но чего же мне старой нечисти творожку жалеть, не кинуть ей печеной репы, пены не плеснуть с пива? Не сделаешь этого, лошади падут или коровы опаршивеют, молоко станут с кровью давать, а то и урожай пропадет. Многие так делают, потому и попали под подозрение. Да ведь они это все по невежеству, из страха перед нечистью. В старину этой нечисти лучше жилось. У нее были свои леса, свои просторные лесные хаты, верховые кони, да и десятину брали божки. А нынче леса повырублены, есть нечего, по городам в колокола звонят, вот вся нечисть и зарылась в самых дремучих борах да и воет там с тоски.

Пойдет литвин в лес, так его там то один, то другой божок за полу кожуха дергает: «Дай!» — говорит. Некоторые дают; но есть и такие смельчаки, что не только не хотят давать, но еще и ловят их. Один насыпал в воловий пузырь пареного гороху, так туда тотчас тринадцать божков и залезло. А он заткнул их рябиновым колышком, да и понес в Вильно продавать францисканцам; ну, те охотно дали ему двадцать скойцев, лишь бы расточить врагов имени Христова. Я сам этот пузырь видал, еще издали от него шел богомерзкий дух, — это все бесстыдная нечисть со страху перед святой водой...

— А кто посчитал, что их там тринадцать было? — живо спросил купец Гамрот.

— Литвин считал: он видел, как они лезли. Да по одному духу можно было узнать, что они там сидят, ну а колышек никому вынимать не хотелось.

— Экое диво какое! — воскликнул один из шляхтичей.

— Да, всякого дива я там насмотрелся. Народ хороший, ничего не скажешь, но только все у них особенное. Лохматые все, разве только какой-нибудь князь у них волосы чешет; едят печеную репу, почитают ее за самое лучшее кушанье, от нее будто храбрости прибавляется. В лесных хатах живут со скотиной вместе да с ужами; в питье и в еде никакой меры не знают. Баб ни в грош не ставят, зато девушек очень уважают, верят, что владеют те великой силой: стоит будто девке натереть человеку живот сухой черникой — и коллик как не бывало!

— Коли девки красавицы, так не жаль, если и живот схватит! — воскликнул кум Айертретер.

— Про то Збышка спросите, — заметил Мацько из Богданца.

Збышко залился таким смехом, что лавка под ним заходила ходуном.

— Есть и красавицы, — сказал он. — Разве Рынгалла не была красавицей?

— Это что за Рынгалла такая? Прелестница, что ли? Ну же, рассказывай!

— Как, вы не слыхали про Рынгаллу? — спросил Мацько.

— И не слыхивали.

— Да ведь это сестра князя Витовта, жена Генрика, князя мазовецкого.

— Что вы говорите! Какого князя Генрика? Был один мазовецкий князь Генрик, плоцкий епископ¹, но он умер.

— Он самый. Рим должен был разрешить его от обета, но смерть раньше его разрушила; видно, не очень порадовал он господа бога своим поведением. Ясько из Олесницы послал меня к князю Витовту с письмом в Риттерсвердер как раз тогда, когда плоцкий епископ князь Генрик приехал туда к князю от короля. На ту пору Витовту воевать уж наскучило, Вильно он все равно не мог взять, ну а нашему королю наскучили родные братья с их распутством. Увидел король, что Витовт побойчее и поумнее их, и послал епископа уговорить князя оставить крестоносцев и покориться ему, за что посулил отдать под его власть Литву. Витовт, охотник до всяких перемен, благосклонно выслушал посла. Начались тут пиры да ристалища. И хоть другие епископы этого не одобряют, князь Генрик охотно сажился верхом на коня и показывал на ристалищах свою рыцарскую силу. Князья мазовецкие все богатыри, даже девушки из их рода легко ломают подковы. Выбил князь один раз из седла троих рыцарей, в другой раз пятерых, а из наших меня свалил, да у Збышка конь под его натиском прынул и сел на задние ноги. Все награды вручала князю прекрасная Рынгалла, перед которой он в полном вооружении преклонял колено. И так они полюбили друг друга, что на пирах епископа оттаскивали от нее за рукава отцы духовные, которые приехали с ним, а Рынгаллу удерживал брат Витовт. И говорит епископ: «Я, мол, сам разрешу себя от обета, а папа, если не римский, то авиньонский, подтвердит разрешение, но венчаться я должен незамедлительно, иначе сгорю!» Тяжкий это был грех, но Витовт не хотел противиться, чтобы не оскорбить королевского посла, — и они справили свадьбу. Потом уехали в Сураж, а там в Слуцк, к великому горю Збышка, который, по немецкому обычаю, из-

¹ Мазовецкий князь Генрик, плоцкий епископ — был действительно, в нарушение церковных канонів, женат на дочери литовского князя Кейстута Рынгалле.

брал княгиню Рынггалу госпожой сердца и дал обет быть верным ей до гроба.

— Все это так, — вдруг прервал его Збышко, — да люди потом стали говорить, будто княгиня Рынггалла, пораздумав, решила, что не пристало ей быть женою епископа, который жениться — женился, а снять с себя духовный сан не желает, что не может быть над ними благословения господня, и отравила мужа. Я как услышал про то, попросил одного благочестивого отшельника под Люблином разрешить меня от обета.

— Что он отшельник, это верно, — смеясь, возразил Мацько, — но вот благочестив ли, не знаю, потому мы в пятницу приехали к нему в лес, а он рубил топором медвежьи кости да так сосал мозг, что только кадык играл.

— Да, но он говорил, будто мозг — это вовсе не мясо и сосет он его с особого соизволения, потому как насосется, так во сне ему бывают чудные видения и на другой день он может пророчествовать до самого полудня.

— Ну-ну! — сказал Мацько. — Прекрасная Рынггалла теперь вдова и может потребовать, чтобы ты служил ей.

— Понапрасну будет стараться, я себе выберу другую госпожу и буду верен ей до гроба, а там и жену себе добуду.

— Ты добудь сперва рыцарский пояс.

— Эва! Да разве после родин не будет ристалищ? А до ристалищ или после них король не одного рыцаря опояшет. А я против всякого выйду на бой. И епископ не победил бы меня, если бы мой конь не сел на задние ноги.

— Найдутся там получше тебя.

Тут шляхтичи из-под Кракова начали кричать:

— Господи, да ведь перед королевой не такие, как ты, будут выступать, а славнейшие рыцари мира. Состязаться будут Завиша из Гарбова, да Фарурей, да Добко из Олесницы, да Повала из Тачева, да Пашко Злодзей из Бискупиц, да Ясько Нашан, да Абданк из Гуры, да Анджей из Брохотиц, да Кристин из Острова, да Якуб из Кобылян!.. Где тебе мериться с ними силами, ведь против них никто не устоит ни при чешском, ни при венгерском дворе. Что ты болтаешь, будто ты лучше их? Сколько тебе лет?

— Восемнадцатый год, — ответил Збышко.